

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Исторический факультет

Кафедра археологии

**СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ:
ХРОНОЛОГИЯ, АТРИБУЦИЯ,
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Материалы тематической научной конференции

Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г.

Санкт-Петербург
2008

С. В. Воронятов

г. Санкт-Петербург

**САРМАТСКИЕ ТАМГИ НА ПАМЯТНИКАХ ЛЕСНОЙ
ЗОНЫ РОССИИ. СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ НЕИЗВЕСТНАЯ
ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?**

Ареал сарматских тамг первых веков н. э. (осетин. *gakk*, кл. перс. *nišān*, таджик. *нишон*) — кланово-семейных знаков, распространённых у иранских народов, хорошо известен современной науке. Это античные города Северного Причерноморья со своими некрополями, сарматские могильники и святилища Крыма и Кавказа и погребальные памятники кочевников европейской степи от Днестра до Волги. Немногочисленным находкам изображений сарматских тамг на памятниках римского времени лесной зоны

России особого внимания пока не уделялось. Изображения тамг встречаются здесь в разных культурах, на предметах разного назначения. Поэтому каждая отдельная такая находка воспринимается как случайная, выпадающая из общего контекста памятника. Однако в последнее время число таких находок увеличилось настолько, что заставляет задуматься о закономерности появления этих необычных знаков в лесной зоне.

Две находки такого рода происходят с памятников мощинской культуры Поочья. Первая — бронзовая подвеска (Рис. 1, 4) из Мощинского клада, обнаруженного Н. И. Бульчёвым в конце XIX в. при исследованиях городища Мощины Мосальского р-на Калужской обл. По современным оценкам клад, содержащий большое количество изделий круга выемчатых эмалей, датируется III–V вв. н. э. (Массалитина 1991) или III — нач. IV в. н. э. (Обломский, Гороховский 1986). На подвеске достаточно крупными точками канфарником набита сарматская тамга. Аналогия ей находится в Приазовье на памятнике Каменная могила в гроте 37, где представлена группа сарматских знаков, большинство из которых датируются с сер. I в. до сер. II в. н. э. (Яценко 2001).

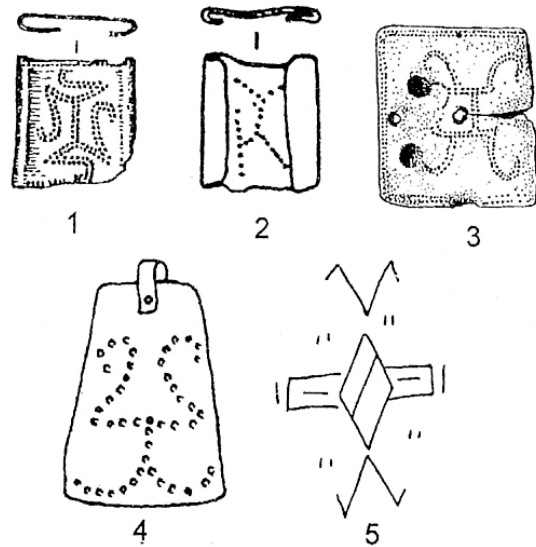


Рис. 1. Изображения тамг на предметах из памятников лесной зоны России: 1 — Дьяково; 2 — Луковня I; 3 — Серенск; 4 — Мощины; 5 — Почеп. Без масштаба. (по: Воронцова 2003; Казанский 1999; Кравченко 1999; Кренке, Румянцева 2008)

Вторая находка в мощинском ареале — бронзовая прямоугольная пластина (Рис. 1, 3) с городища Серенск на р. Серене (бассейн Угры), содержащего, кроме древнерусских напластований, ещё и ранний слой мощинского периода (Фролов 1970; Массалитина 1993). К сожалению, ранним находкам городища, периодически исследуемого с конца XIX в., уделено недостаточное внимание, на что в литературе уже указывалось (Массалитина 1993). Опубликованная М. А. Воронцовой пластина интересующим нас изображением отнесена автором к группе украшений с точечным орнаментом перв. пол. I тыс. н. э. (Воронцова 2003). Информации о контексте находки и собственно в самом знаке на пластине в публикации не содержится, поскольку статья посвящена иной теме. Осторожная датировка исследовательницы позволяет предположить, что пластина происходит из мощинского слоя городища. Изображение, нанесённое двойной линией набитых канфарником точек, вызывает ассоциации с сарматскими тамгами первых веков н. э. Ближе всего для аналогии подходит одна из тамг пещеры Ак-Кая в восточнокрымских предгорьях (Соломоник 1959. Знак № 129; Драчук 1975. Знак № 324). Знаки из скопления в пещере датируются I–II вв. н. э. (Яценко 2001).

Следующие две находки происходят с позднедьяковских городищ Подмосковья. Одна из них — бронзовая накладка на органическую основу с изображением сарматской тамги (Рис. 1, 1) из среднего горизонта верхнего слоя Дьякова городища (Кренке 1989; Кренке, Румянцева 2008). Независимыми друг от друга данными этот горизонт хорошо стратифицированного и исследованного на высоком методическом уровне памятника датируется II–III вв. н. э. (Кренке, Румянцева 2008). Н. А. Кренке в поиске аналогий опирается на комплексы с тамгами данного типа, датирующимися I — перв. пол. II в. н. э. Тамга, которую автор находит для сравнения с дьяковским изображением, нанесена на известняковой плите из Пантикапея (Драчук 1975. Знак № 257) и на скале у села Уйташ Дагестана (Марковин 2006). С. А. Яценко предполагает, что знаки на пантикапейской плите не выходят за рамки I — перв. пол. II в. н. э. (Яценко 2001). Следует отметить уже привычный для данного типа находок способ нанесения изображения. Тамга набита двойной линией точек канфарником.

На похожей накладке с позднедьяковского городища Луквня I на р. Пахре (Рис. 1, 2), тем же способом, но одинарной линией нанесён тамгообразный знак. Операция изображения производилась с внутренней стороны накладки и поэтому, как предполагают исследователи, при ношении знак был почти не виден (Кренке 1989). При датировке Н. А. Кренке, так же как и в случае с дьяковской находкой, опирается на комплексы с тамгами данного типа I — перв. пол. II в. н. э. (Кренке, Румянцева 2008).

Кроме изображений тамг в позднедьяковском и мощинском ареалах, к этой группе лесных находок добавляется тамга, процарапанная на дне чернолощёной миски (Рис. 1, 5), происходящей из материалов Почепского селища (Заверняев 1969). С момента публикации композиции знаков на почепской керамике интерпретировались как раннеславянские языческие символы, связанные с магией аграрного плодородия (Амброз 1965; Рыбаков 1987). В настоящее время, после детального исследования «почепских ромбов», была выдвинута не менее исторически вероятная и документально обоснованная аналогиями гипотеза о том, что на донце почепской миски изображена сарматская тамга (Воронятов 2008)¹. На остальных же сосудах селища запечатлён момент рождения достаточно сложного орнамента из сарматской тамги.

На сегодняшний день завершает данную группу известных изображений тамг находка, продемонстрированная А. М. Воронцовым в докладе «Периодизация и хронология памятников Окско-Донского водораздела римского времени и начала эпохи Великого переселения народов» на семинаре «Верхнее Подонье в системе этнокультурных контактов в эпоху римских влия-

¹ Современный специалист в тамговедении — С. А. Яценко при личной беседе в Институте истории материальной культуры РАН (31.01.2008) высказал свою точку зрения об этой гипотезе. Он считает, что знак на почепской миске является результатом взаимодействия кочевого и оседлого населения Поднепровья. Этому пограничному явлению он приводит аналогию сарматских тамг, окружённых мелкими деталями на германских копьях (Бодзаново, Мюнхеберг-Дамсдорф и др.). То есть, по мнению С. А. Яценко, знак на почепской миске скорее принадлежит к сложному и малоизученному явлению варварской имитации оригинальных сарматских тамг.

«Почеп»². Бронзовая подвеска с тамгой, набитой двойной линией, была найдена при археологических исследованиях 2006 г. в Тульской области³. Аналогию знаку можно найти на известняковой плите у с. Корпач Единецкого р-на Республики Молдавия (Драчук 1975, знак 106).

Как уже сказано выше, специального исследования, посвящённого выяснению причин существования предметов с тамгами на поселенческих памятниках лесной зоны России, далёкой от основного ареала тамг, пока не опубликовано. Это может быть связано как с малочисленностью таких предметов, так и с неуверенностью исторического и культурного контекста появления данных предметов в лесной зоне. Подразумевается, что они попали далеко на север случайно. Лишь в случае с Мощинским кладом было выказано предположение, что женские украшения клада принадлежат знатной сарматке, выданной замуж в лесные края (Яценко 2001). Неразрешимой пока проблемой остаётся и хронологическое «запаздывание» как минимум на столетие предметов с тамгами из лесной зоны по отношению ко времени распространения аналогичных им знаков в основном ареале сарматских тамг.

Сейчас стало возможным выдвинуть гипотезу, которая может объяснить неслучайность появления экзотических для лесной зоны предметов с тамгами. Попытка реконструкции событий, при которых в Подесенье появляется Почепское селище с целым рядом сарматских элементов в материале, недавно была уже сделана (Воронятов, Ерёмченко 2006; Воронятов 2008). Но в данный момент представляется возможным привести ещё несколько достаточно интересных фактов, которые свидетельствуют о периодическом присутствии сарматов в лесной зоне.

Во-первых, в I в. н. э. для продвижения сарматов на север были веские причины. Хорошо организованная оборона восточных дунайских границ Римской империи и масштабная операция легата Мёзии Плавтия Сильвана в 60-х гг. н. э. против кочевников замедлили их продвижение на запад и вынуждали искать жизненно необходимые сырьевые ресурсы на севере.

² Семинар проходил в г. Туле 2–4 ноября 2006 г. (Гавритухин, Обломский 2008).

³ Приношу благодарность А. М. Воронцову за возможность использования информации о неопубликованном материале.

И это не исключает лесных походов и обложение данью оседлого населения среднего Поднепровья, Подесенья, Посемья и Поочья.

Во-вторых, информация в одном из древних письменных источников подтверждает активность кочевников в лесной зоне. Многократно использованный сарматологами и алановедами пассаж из «Римской истории» Аммиана Марцелина, благодаря Д. А. Мачинскому, получает полноценное звучание (Мачинский: в печати). Речь идёт о следующем отрывке: *«За нею тянутся бесконечные степи Скифии, населённые аланами, получившими своё название от гор; они мало помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своего народа, подобно персам»* (Am. Marc. XXXI, 13–14). Обычно сарматологов интересуют именно эти слова Аммиана Марцелина, но Д. А. Мачинский пошёл дальше и заострил внимание на сведениях о том, на какие именно народы распространили своё имя аланы: *«Между этими (народами) срединное положение занимают нервы, соседи высоких и обрывистых гор, на которых всё коченеет от мороза и порывистых северных ветров. За ними живут видины...»* (Там же). То есть, по мнению Д. А. Мачинского речь идёт о лесных народах, названия которых периодически появляются у греческих и римских историков со времён Геродота.

В-третьих, ареал иранской гидронимии и топонимии лесной зоны современной России очень близок территории рассматриваемых нами находок с сарматскими тамгами. Отнесение времени появления иранских гидронимов и топонимов к предскифскому и скифскому периодам (Членова 1984; Седов 1965) представляется отнюдь не бесспорным.

В-четвёртых, возвращаясь к способу нанесения изображения тамг на бронзовые накладки и подвески, следует сказать, что сам способ, хотя и достаточно прост, навряд ли является местным изобретением, как считает М. А. Воронцова (Воронцова 2003). В первые века н. э. технику нанесения тамг на металл канфарником можно наблюдать именно в сарматских древностях (тамга на серебряной фиале из кург. 11 могильника Ново-Александровка-I, тамга на серебряном сосуде из погребения у станции Михайловской и т. д.). Не исключено, что в лесную зону эта незамысловатая технология, которая до первых веков н. э. здесь не фиксируется, пришла вместе с сарматами.

В-пятых, взаимоотношения оседлого и кочевого населения в первых веках н. э. не стоит упускать из общеисторического контекста взаимодействия различных культурно-хозяйственных типов на интересующей нас территории. Нужно вспомнить ситуации отношений славян и хазар в IX–X вв., Древнерусского государства и татаро-монголов в XIII в. Территория контактов и их археологическое отражение вполне сравнимы с ситуацией сарматского времени, которая попадает под шаблоны теоретически разработанных моделей отношений кочевников с внешним миром (Крадин 2000; Хазанов 2002).

Все перечисленные факты позволяют предположить, что находки предметов с сарматскими тамгами в лесной зоне современной России являются *неслучайными*. Неоднозначные и малоизученные исторические события в Днепровском регионе I в. н. э. и их завуалированная археологическая демонстрация в лесной зоне требуют дальнейшего внимательного изучения и прогнозируют дальнейшее появление подобных находок в будущем.